

# КРИЗИСЪ ЦЕРКОВНОЙ СМУТЫ ВЪ РОССІИ И ДАЛЬНѢЙШІЙ ЕЯ РОСТЪ ЗА РУБЕЖОМЪ.

(1923)

*«Да будутъ всѣ едино, какъ Ты, Отче  
во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да бу-  
дутъ въ Насъ едино; да увѣруеть міръ,  
что Ты послалъ Меня.*

(Іоанн. XVII. 21).

*Ибо такъ будетъ единомысліе и просла-  
вится Богъ о Господѣ во Святомъ Духѣ,  
Отецъ и Сынъ и Святой Духъ.*

(Ап. Правила, 34)

Единство вѣрующихъ есть главный завѣтъ Основателя церкви, и слѣдовательно, основной законъ ея, какъ общества вѣрующихъ во Христа. Единство это достигается «единомысліемъ» церковнаго общества. 34-ое Апостольское правило указываетъ и средство для достиженія такого единомыслія. Оно достигается канонически установленными взаимоотношеніями въ церкви. То-же правило выдвигаетъ два основныхъ принципа этихъ взаимоотношеній: 1) всѣ епископы даннаго народа должны знать перваго среди нихъ и признавагь его, какъ своего главу; безъ его разсмотрѣнія они не должны предпринимать ничего, превышающаго ихъ власть, которая простирается лишь на ввѣренную каждому изъ нихъ область или епископію. 2) «Первый епископъ» долженъ все дѣлать съ разсужденія его собратій-епископовъ. «Первые епископы» за время существованія церкви въ различныхъ частяхъ ея носили и носятъ разные титулы: прима-совъ, архіепископовъ, митрополитовъ и патріарховъ. Незави-симо отъ титула, они обладаютъ канонически одной и той-же церковной властью. Эта власть выражается въ установленныхъ формахъ подчиненія всѣхъ епископовъ данной церкви ихъ главѣ «первому епископу». Прежде всего всѣ епископы обязаны возно-

силь его имя за богослуженіемъ и этимъ свидѣтельствовать свое единеніе съ нимъ и признаніе надъ собою его власти Эти два момента: поминовеніе перваго епископа и признаніе его власти неотдѣлимы одинъ отъ другого. Требованіе церковныхъ канонѡвъ, чтобы епископы возносили имя своего «перваго епископа» за богослуженіемъ, вовсе не есть простая форма, а является необходимымъ и постояннымъ утвержденіемъ своего подчиненія ему. Поэтому съ точки зрѣнія церковной было бы невозможнымъ такое положеніе, когда епископъ поминалъ бы своего «перваго епископа», а себя поставилъ внѣ его власти, т. е. отступилъ отъ него. Подобный случай, если бы когда-нибудь имѣлъ мѣсто въ дѣйствительности, свидѣтельствовалъ бы не больше, какъ объ открытомъ лицемѣрїи этого епископа. Согрѣшившій по существу но соблюдающій форму, подлежалъ бы также отвѣтственности, какъ нарушившій форму и существо. За внѣшней формой скрывается извѣстная сущность. Утрата этой сущности не искупается соблюденіемъ одной формы.

Уже ко времени Двукратнаго собора (861 г.), повидимому, бывали случаи, когда отдѣльные епископы выходили изъ подчиненія своему главѣ, ссылаясь на какую нибудь вину «перваго епископа». Этимъ они нарушали единство данной церкви и тѣмъ какъ бы отдѣляли себя отъ остальной церкви, увлекая за собой и народъ который часто не разбирался во всей сложности церковныхъ отношеній. Поэтому названный соборъ опредѣлилъ: даже въ томъ случаѣ, если первый епископъ въ чемъ либо виновенъ, но еще не былъ осужденъ соборомъ, то и сама вина его не можетъ служить причиной отдѣленія кого нибудь изъ подвѣдомственныхъ ему епископовъ. И только въ одномъ случаѣ допускается подобное отдѣленіе, — когда первый епископъ открыто впалъ въ ересь, уже осужденную соборомъ: неправильно самъ вѣруетъ и такъ учитъ народъ. Въ этомъ случаѣ, не было бы отпаденія отъ «перваго епископа», такъ какъ отпавшимъ явился уже самъ «первый епископъ»; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ всякій епископъ, отдѣлившійся отъ своего главы, согласно 14 и 15 правиламъ Двукратнаго собора, подлежитъ низложенію. Такъ строго охраняется церковное единство.

Митрополиту принадлежитъ право утвержденія епископовъ и поставленія ихъ совмѣстно съ другими епископами. Онъ одинъ можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ вмѣшиваться въ дѣла, подвѣдомственной ему епископіи: брать изъ епархіи клириковъ и проч. Однимъ словомъ Митрополитъ есть настоящая власть для всѣхъ епископовъ данной области или народа, хотя по своему священному сану онъ равенъ всѣмъ остальнымъ епископамъ. Епископъ, прекратившій поминовеніе перваго епископа, т. е. вышедшій изъ его подчиненія, трактуется церковными



правилами какъ «учинитель раскола», поэтому подлежить строгому взысканію: низложенію, т. е. лишается сана и, «дѣлается чуждымъ всякаго священства».

Утвердивъ такимъ образомъ власть перваго епископа церковныя правила придають огромное значеніе и собору, какъ органу, на которомъ первый епископъ разсуждаетъ съ прочими о дѣлахъ, касающихся нѣсколькихъ епархій или цѣлой церкви

Слово соборъ (*συνόδος*, *consilium*), означаетъ само по себѣ всякое собраніе, сходку, съѣздъ, совѣщаніе и проч. Въ славянскомъ переводѣ твореній Григорія Назіанзина, въ рукописи XI вѣка, встрѣчается такое выраженіе: «На соборѣхъ и на сходѣхъ». Этотъ терминъ изъ сферы церковной перенесенъ былъ въ область гражданскихъ отношеній. Въ Ипатьевской лѣтописи читаемъ: «И бѣ соборъ великъ, шедшуся народу со всѣхъ сторонъ». Собранія представителей разныхъ чиновъ Московскаго государства для рѣшенія государственныхъ дѣлъ получили названіе Земскихъ Соборовъ, тогда какъ собраніямъ представителей церкви усваивалось названіе «освященнаго собора». Послѣдній почти всегда входилъ въ государственное совѣщаніе и такимъ образомъ составлялся «совѣтъ всея земли». Слѣдовательно, древне-русское церковно-славянское слово «соборъ» не связано непосредственно съ какой либо опредѣленной формой собранія. Соборомъ можетъ быть названо собраніе іерарховъ, клириковъ и мірянъ, независимо отъ степени полномочій того или иного совѣщанія. Коллегія монаховъ, руководящая монастыремъ въ хозяйственномъ и административномъ отношеніяхъ, носитъ названіе также *собора*. Собранія духовныхъ лицъ въ предѣлахъ епархій иногда назывались *соборами*. Въ 1458 году такое собраніе было созвано Ростовскимъ архіепископомъ Феодоромъ, который писалъ: «И того ради сотворяю и събираю соборъ въ городѣ на Бѣломъ озерѣ въ церкви Св. Василія съ архимандриты и съ игумены, попы и діаконы». (А. И. I №64). Каноны также знаютъ соборы, т. е. собранія вообще, и *совершенные соборы*.

Слово «совершенный» (*τέλειος*) въ церковно-славянскомъ языкѣ, а также и въ древне-русскомъ, встрѣчается не только въ соединеніи со словомъ *соборъ*. Сопоставленіе употребленія слова «совершенный» въ разныхъ случаяхъ вполнѣ уясняетъ его смыслъ. Въ славянскомъ переводѣ Пандектъ Антіоха читаемъ: «Иже бо иметь съвершенну любовь, то себе меньше творить». Въ славянскомъ переводѣ Богословія Іоанна Дамаскина, сдѣланномъ Іоанномъ, экзархомъ Болгарскимъ, встрѣчается слѣдующая фраза: «Отъ святыя Маріи и Богородицы Дѣвы родися Св. Духомъ и человекъ съвершенный отъ нея бысть». Въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» подъ 6479 годомъ читаемъ: «Хочу имѣти любовь



совершенну». Митрополитъ Никифоръ въ своемъ посланіи къ великому князю, Владиміру Мономаху, писалъ: «Христосъ бо не предалъ есть того, иже совершати тайну... опрѣсноки, но хлѣбомъ совершеннымъ и кислымъ». Изъ этихъ примѣровъ ясно, что церковно-славянское слово «совершенный» соотвѣтствуетъ нашему понятію истинный, настоящій, дѣйствительный. Итакъ, церковныя правила знаютъ соборы вообще или совѣщанія и *дѣйствительные соборы*, обладающіе церковной властью. Епископъ, неимѣющій епархіи, не можетъ самъ даже по просьбѣ народа занять свободную кафедру и подлежить въ противномъ случаѣ «отверженію», если онъ сдѣлалъ это безъ рѣшенія *совершеннаго собора*. (Антіох. Соб. 16). Епископъ, нежелающій итти въ епархію, для которой онъ рукоположенъ, отлучается отъ церковнаго общенія до тѣхъ поръ, пока не исполнитъ своего долга или пока не постановитъ о немъ рѣшенія *совершенный соборъ*. (Антіох. Соб. 17). Такое огромное значеніе придается только настоящему собору, обладающему полнотою церковной власти, т. е. полномочному. Какой же соборъ можетъ считаться дѣйствительнымъ, полномочнымъ носителемъ церковной власти? То-же 16-ое правило Антіохійскаго собора требуетъ для того, *чтобы соборъ былъ дѣйствительнымъ, присутствіе на немъ митрополита области или «перваго епископа»*. Такимъ образомъ ясно, что важно не только собраніе, но и присутствіе на немъ митрополита. Безъ этого условія самый соборъ не можетъ почитаться *дѣйствительнымъ, обладающимъ силой и значеніемъ церковной власти*. Изъ сопоставленія этого правила съ 34 Апостольскимъ правиломъ ясно, какое огромное значеніе придается митрополиту области или первому епископу отдѣльнаго народа. И только онъ одинъ можетъ созвать дѣйствительный, полномочный соборъ. Въ этомъ состоитъ видимое единство помѣстной церкви; наличность главы епископовъ придаетъ единство воли и цѣлость всей церковной организациі. Церковь, утратившая такое единство, не смогла бы поддержать въ своей средѣ *единомыслія*. т. е. осуществить ея внутреннее призваніе и въ еще меньшей степени могла бы выполнить свою миссію въ мірѣ, которая такъ опредѣленно формулирована Спасителемъ: «Да увѣруеть міръ, что Ты Меня послалъ». Вотъ какое огромное значеніе имѣетъ единство церкви. Поэтому всякія отщепенскія группировки, какъ бы онѣ не формулировали цѣлесообразность своего отдѣленія, онѣ всегда неправы: изъ-за второстепеннаго, временнаго и преходящаго онѣ нарушаютъ вѣчное начало — единство церкви, положенное въ основу ея самимъ Основателемъ. Этотъ великій грѣхъ ч. сто заставляеть мятушіяся души отщепенцевъ искать подтвержденія правильности своего поведенія въ видимомъ исполненіи формы. Поэтому отщепенцы и раскольники всѣхъ временъ стре-



мились и стремятся соблюсти *видимость соборности*, но почти всегда утрачивают церковное возглавление. Поэтому сама соборность приобретает характер случайный, лишенный основания в действиях главы епископовъ, а изъ организованнаго цѣлаго ихъ объединенія превращаются въ хаосъ, тогда и *самый соборъ* перестаетъ быть органомъ церковной власти, а дѣлается «*беззаконнымъ скопищемъ*.»

Такъ одно и то-же учрежденіе *при однихъ условіяхъ является органомъ церковной власти, блюдущимъ и утверждающимъ единство данной церкви, а при другихъ условіяхъ превращается въ орудіе раздѣленія и вражды*. Утрата сути церковнаго устройства не можетъ искупаться видимой правильностью формы.

## I.

Познакомившись въ самыхъ общихъ чертахъ съ основами церковнаго строя, мы должны теперь перейти къ разсмотрѣнію конкретныхъ фактовъ церковной смуты 1923 года. Въ предыдущей статьѣ («Путь», №№14 и 15) мы уже констатировали тотъ фактъ, что живоцерковная смута къ концу 1922 года пошла на убыль; во всякомъ случаѣ она къ этому времени изжила свою поступательную силу и начала склоняться «*долу*». Событія 1923 года съ еще большей очевидностью свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Живоцерковники въ своемъ первомъ возваніи, еще до захвата церковнаго аппарата, заявили себя горячими сторонниками *соборности* и до принятія синодальныхъ дѣлъ обратились къ гражданской власти съ просьбой о разрѣшеніи собрать церковный соборъ по неотложнымъ церковнымъ дѣламъ. Однако, въ ближайшее время осуществить это имъ не удалось; да, повидимому, они и сами не особенно торопились съ этимъ послѣ захвата власти. Первый живоцерковный соборъ собрался только 2-го мая 1923 года, т. е. почти черезъ годъ послѣ того, какъ живоцерковники захватили власть.

На соборъ явились только живоцерковники и ихъ союзники, представители родственныхъ имъ церковныхъ группировокъ (СОДАЦ и Возрожденія). Произошло это по цѣлому ряду причинъ. Прежде всего мы знаемъ, что Патріаршій Синодъ въ полномъ соотвѣтствіи съ церковной практикой высказался противъ участія вѣрныхъ членовъ патріаршей церкви на этомъ соборѣ, какъ лже-соборѣ, собираемомъ помимо церковной власти захватчиками, полномочія которыхъ, съ церковной точки зрѣнія, едва ли превышали значенія архивариусовъ и дѣлопроизводителей, да и то временныхъ, которымъ Св. Патріархомъ, какъ мы видѣли, было поручено принять синодальныя дѣла для передачи замѣс-



тителю. Однако, были случаи участія на избирательныхъ собраніяхъ членовъ патріаршей церкви. На нѣкоторыхъ изъ собраній они даже составляли большинство, но при томъ безцеремонномъ отношеніи и насиліи, съ какимъ руководители вели эти собранія, было ясно, что на соборъ будутъ допущены только элементы желательные для тогдашнихъ фактическихъ руководителей церковнаго аппарата. Фильтръ былъ необходимъ, такъ какъ живоцерковники ясно видѣли, что при сколько нибудь объективномъ веденіи дѣла они не смогутъ опереться на соборъ, *они даже боялись голоса церкви*. Подборъ членовъ собора былъ вопросомъ ихъ бытія, какъ организациі; *выпустить же изъ рукъ церковную власть во имя соборности было столь же неприемлемымъ для захватчиковъ, какъ и наложить на себя руки*. Соборъ созывался не для того, чтобы сдать власть, а укрѣпить пошатнувшееся къ этому времени положеніе руководителей «живой церкви». Естественно, что при такихъ условіяхъ живоцерковный соборъ сталъ орудіемъ соответствующихъ церковныхъ группировокъ. Выбирая членовъ президіума уже на самомъ соборѣ, лица, предлагавшія тѣхъ или другихъ кандидатовъ, всегда мотивировали свое предложеніе заслугами лица передъ «живой церковью». Ясно, что это собранія ничѣмъ не отличалось отъ живоцерковнаго съѣзда.

Дѣятельность этого собора связана съ выявленіемъ отношенія живоцерковниковъ къ находившемуся тогда въ заключеніи Св. Патріарху Тихону. Политическій подходъ къ дѣлу Патріарха Тихона ясенъ изъ самой постановки вопроса. На второмъ засѣданіи, 3-го мая, былъ заслушанъ докладъ А. И. Введенскаго, посвященный одновременно вопросамъ: о православной церкви, социальной революціи, совѣтской власти. Патріархъ Т. хохотъ. Организация русской церкви, какъ мы видѣли, не была чужда крупнымъ недостаткамъ, но и А. И. Введенскій, готовъ на дореволюціонную церковность возложить отвѣтственность за промахи отдѣльныхъ лицъ. Подобная постановка вопроса можетъ быть достойна только такого собранія, какимъ явился живоцерковный соборъ. Можно разнорасцѣнивать тотъ или другой государственный строй, но ставить знакъ равенства между христіанствомъ и социализмомъ не значитъ ли смѣшивать челоуѣческое съ божественнымъ. Послѣ подобныхъ утвержденій оставалось только одно, что и выполнилъ соратникъ А. И. Введенскаго, Калиновскій, сдѣлавшись противорелигіознымъ агитаторомъ. На такой шагъ, однако, не рѣшился докладчикъ. Съ исключительной злобой напалъ А. И. Введенскій и на Помѣстный соборъ 1917-18 г. г., главнымъ образомъ за восстановление патріаршества, но только въ вопросѣ о патріархѣ Тихонѣ злоба докладчика достигла своего наибольшаго напряженія. Главное обвиненіе



А. И. Введенскаго сводилось къ тому, что Патріархъ непримиримый и активный врагъ совѣтской власти. Для доказательства этого собраны всѣ штрихи, а крупные факты противоположнаго характера (напр., указъ Патріарха отъ сентября 1919 года) совершенно опущены. Рѣчь А. И. Введенскаго — это не обвинительный актъ и не рѣчь прокурора, а самая беззастѣнчивая агитация противъ главы церкви. Выступалъ по этому вопросу и Красницкій. Въ заключеніе была оглашена резолюція: «епископскаго собора», происходившаго подъ предсѣдательствомъ живоцерковнаго митрополита Антонина. Изъ нѣсколькихъ словъ предсѣдателя этого собора, предпосланныхъ имъ оглашенію самой резолюціи, ясно, что въ основу резолюціи были положены предложенія предсѣдателя архіерейскаго совѣщанія. Не постѣснился предсѣдатель въ этотъ моментъ упомянуть о тѣхъ утѣсненіяхъ, которыя онъ лично претерпѣлъ отъ Патріарха. Можно ли послѣ этого сомнѣваться, что на рѣшеніе собора живоцерковныхъ епископовъ оказала вліяніе нечеловѣческая злоба предсѣдательствовашаго. А. И. Введенскій и В. Д. Красницкій требуютъ лишенія сана, — какого, они, правда, не договариваютъ, но такъ какъ рѣчь идетъ о Патріархѣ, то можно предполагать, что патріаршаго. Соборъ епископовъ постановилъ лишить Патріарха Тихона сана и званія патріарха. Въ резолюціи общаго собранія говорится о лишеніи сана и монашества и о возвращеніи въ первобытное мірское состояніе, несмотря на то, что подобное предложеніе никѣмъ не было сдѣлано. Кромѣ того принимается особая резолюція, отмѣняющая патріаршество: «отнынѣ церковь должна управляться соборно» (Вѣстникъ Синода, №7, стр. 76. 1928 г.). И это дѣлается въ то время, когда бывший епископъ Антонинъ уже именуется Митрополитомъ Московскимъ и всей Руси. Какая разница между Митрополитомъ Всея Руси и Патріархомъ — составляетъ неразгаданную тайну живоцерковниковъ, если, конечно, этотъ титулъ не пустое названіе, не имѣющее никакого отношенія ко всея Руси.

Небезынтересно отмѣтить нѣкоторыя подробности происшедшаго голосованія. Предсѣдатель собора, живоцерковный митрополитъ Петръ, послѣ оглашенія резолюціи спрашиваетъ разрѣшенія поставить ее на голосованіе. Въ это время послышался голосъ: «Разрѣшите слово». Въ протоколѣ отмѣченъ только этотъ голосъ, но изъ дальнѣйшей реплики предсѣдателя ясно, что это лицо пыталось говорить съ мѣста, такъ какъ никому, кромѣ докладчиковъ, не было предоставлено право слова. Предсѣдатель, сославшись на регламентъ, что съ мѣста нельзя говорить, остановилъ оратора. Отмѣтимъ еще одну нелишенную интереса деталь. Послѣ доклада А. И. Введенскаго раздались голоса, требовавшіе перерыва, который, однако, не былъ данъ



«до принятія резолюціи», какъ равно и не послѣдовало приглашенія председательствующаго высказаться по поводу заслушанныхъ докладовъ. Результаты голосованія получились слѣдующіе: одинъ голосъ противъ резолюціи, 5 голосовъ воздержались, остальные голосовали за резолюцію, однако, протоколъ не указываетъ ихъ числа, какъ и вообще въ протоколѣ нѣтъ указаній на число лицъ, участвовавшихъ въ засѣданіи. Сопоставляя всѣ эти детали, легко понять, подъ какимъ прессомъ выжималось угодная для ВЦУ резолюція даже въ средѣ отборныхъ живоцерковниковъ. Нужно ли послѣ всего этого говорить о нарушеніи элементарныхъ условій справедливости: не только не было допущено слово въ защиту, но и самъ обвиняемый не былъ спрошенъ по существу предъявленныхъ обвиненій. Игнорированіе требованій церковныхъ каноновъ и элементарной справедливости само по себѣ свидѣтельствуеетъ о ничтожности рѣшенія, продиктованнаго исключительной злобой руководителей «живой церкви» противъ Св. Патріарха Тихона.

Итакъ, руководители «живой церкви» добились отъ рядовой массы участниковъ живоцерковнаго собора желательнаго для нихъ приговора по дѣлу Св. Патріарха. Мы уже говорили, что сословныя устремленія бѣлаго клира явились движущей силой живоцерковнаго раскола. Теперь руководители рѣшили пойти навстрѣчу бѣлому клиру, и вторымъ вопросомъ поставили вопросъ о второбрачїи священнослужителей. И этотъ вопросъ встрѣтилъ, хотя слабую, но все же оппозицію среди членовъ даже этого собранія. Съ докладомъ по этому вопросу выступилъ проф. прот. Н. Г. Поповъ (Вѣстникъ Синода № 8 (31) 1928 г.). Докладъ этотъ, полный казуистики произвелъ удручающее впечатлѣніе. Первый оппонентъ, протоіерей Іоанновъ, сразу поставилъ вопросъ на опредѣленно принципиальную позицію. Два случая, второбрачїя духовенства въ Визаніи, приведенные докладчикомъ скорѣе опровергали, чѣмъ подтверждали основную мысль доклада. Вдовство священнослужителя, хотя и тяжкая вещь, но, какъ заявилъ оппонентъ, должно быть лѣчимо другимъ способомъ. Неудачный второй бракъ былъ еще большимъ несчастьемъ для дѣтей священника и для него самого. Разрѣшеніе священнослужителямъ вступать во второй бракъ не исключало совершенно вдовства. Бѣльшинство собора, однако, ясно было на сторонѣ второбрачїя. На голосованіе было поставлено два вопроса: 1) разрѣшить второбрачїе священнослужителямъ съ благословенія епископской власти, 2) допустить къ священнослуженію тѣхъ, кто оставилъ его лишь вслѣдствіе вступленія во второй бракъ. За резолюцію голосовало большинство, — какое, не указано въ протоколѣ. Противъ голосовало 16, и 7 воздержалось, т. е. были тоже противъ резолюціи; слѣдователь-



но, всего было противъ резолюціи — 23 человекъ. Для такого собранія уже и эта цифра довольно знаменательна. Послѣ голосованія председательствующій начинаетъ оглашать поправку епископскаго совѣщанія. Произошелъ общій переполохъ и поднялся невѣроятный шумъ. Съ мѣста кричатъ: «это дѣло собора, а не епископскаго совѣщанія». Предсѣдатель нѣкоторое время безуспѣшно пытается водворить тишину, и только заявленіе его, что поправка касается только епископовъ, водворяетъ нѣкоторое спокойствіе. Священнослужители, получившіе только что компенсанцію за резолюцію, принятую по дѣлу Святѣйшаго Патріарха, очевидно испугались, что епископское совѣщаніе хочетъ своей поправкой ограничить безстыдно полученное вознагражденіе. Послѣ нѣ котораго успокоенія предсѣдатель разъяснилъ, что второбрачіе разрѣшается священнослужителямъ, кромѣ епископовъ. Мотивируется эта послѣдняя поправка «серьезностью условій, въ которыхъ находится обновленческое движеніе». Въ защиту этой поправки выступилъ прот. А. И. Боярскій, который мотивировалъ свое предложеніе просьбой «не навязывать епископамъ того, что они не хотятъ». Члены собора, уяснивши себѣ, что эта поправка не касается большинства, облегченно вздохнули и голосовали за поправку. Только 14 человекъ выдержали принципиальную точку зрѣнія о возможности второбрачія для всего клира. Это еще больше подчеркнуло непринципальность постановки этого вопроса, какъ онъ рѣшался на живоцерковномъ соборѣ. Епископамъ не было дано этого права только потому, что они не хотятъ этого; слѣдовательно, большинство бѣлаго клира получило разрѣшеніе на второбрачіе, такъ какъ это соотвѣтствовало его желанію, я бы сказалъ, социальнымъ устремленіямъ его, не удовлетворить которыя не могли руководители только что вырвавшіе у большинства членовъ того же собранія незаконное осужденіе Патріарха. Это социальное устремленіе по тактическимъ соображеніямъ было трудно пріемлемымъ въ данный моментъ какъ и второбрачіе епископовъ. Къ этому нужно присоединить, что «соборъ» одобрилъ и введеніе брачнаго епископата. Строя все свое благополучіе на сочувствіи бѣлаго клира, живоцерковники не могли не посчитаться съ его устремленіями.

Слѣдующимъ моментомъ въ дѣятельности живоцерковнаго собора должно быть отмѣчено созданіе новаго органа управленія. В.Ц.У. замѣнялось Высшимъ Церковнымъ Совѣтомъ. Живоцерковники поняли, съ какой непріязнью относилась масса вѣрующихъ въ ВЦУ. Это и послужило основаніемъ для созданія Высшаго Церковнаго Совѣта. Этотъ органъ былъ составленъ на коалиціонныхъ началахъ, т. е. въ немъ были представлены три обновленческія группы, сообразно ихъ значенію



на соборѣ: «Живая церковь» получила 10 мѣстъ «Союзъ древне-апостольскихъ церквей» — 6, и «Возрожденіе» — 2. Это до извѣстной степени согласуется съ составомъ живоцерковнаго собора, какъ онъ былъ указанъ въ «Извѣстіяхъ». Безпартійная группа членовъ собора (45 человекъ) въ порядкѣ работы примкнула, повидимому, къ группѣ Возрожденія, и тѣмъ дала возможность этой группѣ провести двухъ представителей въ Совѣтъ, тогда какъ сама группа по своему составу (10 человекъ) едва ли могла претендовать и на одно мѣсто. Такимъ образомъ «Живая церковь» сохранила за собой руководящую роль, ей принадлежало 10 мѣстъ изъ 18. «Союзъ древне-апостольскихъ церквей» считался болѣе радикальной группой, чѣмъ сама «Живая церковь», а союзъ Возрожденія былъ болѣе умѣреннымъ. (Титлиновъ, Новая Церковь, стр. 25, Примѣчаніе). Отсюда ясно, что направленіе дѣлъ живоцерковнаго собора 1923 года опредѣлялось болѣе радикальными теченіями внутри этого движенія.

Соборъ 1923 года долженъ былъ, какъ мы уже сказали, возстановить пошатнувшееся къ этому времени положеніе «живой церкви». На самомъ соборѣ прямо говорили о «тяжеломъ положеніи», о «серьезности положенія обновленческаго движенія». Полоса массовыхъ возвращеній въ старую церковную организацію прошла еще въ концѣ 1922 года, и это движеніе не прекращалось за все время вплоть до открытія живоцерковнаго собора 1923 г.

Дѣятельность его убѣдила даже представителей гражданской власти, что все это движеніе уже не что иное, какъ «палое и зяблое дерево». Въ началѣ мая состоялся живоцерковный соборъ, а въ срединѣ этого мѣсяца уже пошли слухи о предстоящемъ освобожденіи Патріарха. 25 іюня состоялось опредѣленіе распорядительнаго засѣданія Верховнаго Суда объ освобожденіи Патріарха Тихона. 26-го іюня онъ уже былъ на свободѣ, 28-го іюня обратился съ посланіемъ «къ архипастырямъ, пастырямъ и пасомымъ православной церкви». Это первое посланіе имѣло огромное значеніе. Св. Патріархъ Тихонъ въ немъ прежде всего касается живоцерковнаго суда надъ собою. Св. Патріархъ заявляетъ, что онъ не призналъ предъявленнаго ему приговора живоцерковнаго собора по двумъ основаніямъ: 1) формально — Патріархъ не былъ позванъ на судъ и даже не былъ извѣщенъ объ этомъ судѣ, поэтому и самый приговоръ не можетъ имѣть силы; 2) по существу — обвиненіе въ политической контръ-революціи неосновательно: съ 1919 года Патріархъ далъ опредѣленные указанія о невмѣшательствѣ церкви въ политику. «Конечно, я не выдавалъ себя, — говорится въ патріаршемъ посланіи, — за такого поклонника совѣтской власти, какими объявляютъ себя церковные обновленцы». Но однако, когда ему стали извѣст-



ны постановленія Карловацкаго собора, то онъ склонился къ мнѣнію меньшинства. Послѣ Обращенія Карловацкаго ВЦУ къ Генуэзской Конференціи, Патріархъ закрылъ самое Карловацкое церковное управленіе, возникшее помимо него съ благословенія Константинопольскаго Патріарха. «Отсюда видно, что я, какъ пишетъ Патріархъ, — ужь не такой врагъ совѣтской власти и не такой контръ-революціонеръ, какимъ меня представляетъ соборъ». Указавъ на случайный и даже противоканоническій составъ собора въ отношеніи къ архіереямъ, которымъ принадлежатъ судебныя функціи, а именно, — изъ 67 живоцерковныхъ епископовъ только 10 или 15 являлись архіереями стараго посвященія, остальные незаконно поставлены уже обновленцами. Переходя къ вопросу о будущемъ направленіи церковной политики, Патріархъ заявляетъ: «Отнынѣ я опредѣленно заявляю всѣмъ тѣмъ кто будетъ пытаться возстановить его противъ совѣтской власти, что ихъ усердіе будетъ совершенно напраснымъ и бесплоднымъ, ибо я рѣшительно осуждаю всякое посягательство на совѣтскую власть, откуда бы оно ни исходило». Это посланіе Святѣйшаго воспроизводитъ въ значительной степени его показанія, сдѣланныя имъ во время заключенія, и заявленіе, появившееся въ связи съ ходатайствомъ объ освобожденіи.

Живоцерковники особенно настаивали на томъ, что Патріархъ и его церковная организація контръ-революціонны, что они въ своей дѣятельности инспирируются контръ-революціонерами изъ числа карловацкихъ дѣятелей и, слѣдовательно, опасны для существующей власти, какъ таковой. Святѣйшій Патріархъ, какъ мы знаемъ, давно занялъ лойяльную позицію по отношенію къ совѣтской власти, теперь же ему пришлось болѣе детально формулировать свое отношеніе подъ вліяніемъ тѣхъ обвиненій, которыя были ему предъявлены гражданской властью, поддерживались живоцерковниками и вызваны были безразсуднымъ политиканствомъ Карловацкаго собранія 1921 года и Карловацкаго ВЦУ. Заявленія, сдѣланныя на слѣдствіи, обязывали главу русскихъ епископовъ повторить ихъ и открыто, и это было сдѣлано Св. Патріархомъ съ величайшимъ мужествомъ съ единственной цѣлью достигнуть возможнаго блага для церкви. Положеніе послѣдней въ это время, несмотря на провалъ живоцерковниковъ въ крупныхъ городскихъ центрахъ, было ужасно. Святѣйшій Патріархъ 26 іюня былъ освобожденъ, а 28-го уже выпустилъ свое первое посланіе, отвѣчавшее на мучительный для многихъ вѣрующихъ вопросъ объ осужденіи его живо-церковнымъ соборомъ. Съ 26-го іюля Св. Патріархъ вступилъ фактически въ управленіе русской церковью.

Въ зарубѣжныхъ кругахъ карловацкаго уклона очень часто подчеркивается, что Св. Патріархъ послѣ его освобожденія



взялъ въ свои руки управленіе церковью съ согласія православно-го епископата, какъ сказано въ его посланіи къ Сербскому Патріарху. Я боюсь, что этому выраженію придается какое-то церковно-правовое значеніе. Если это такъ, то нужно сказать, что дѣло обстоило совершенно иначе. То, что Св. Патріархъ скромно называетъ согласіемъ епископата, на самомъ дѣлѣ былъ «многоболѣзненный вопль» всѣхъ вѣрныхъ чадъ церкви, въ томъ числѣ и епископовъ. Это было не основаніе для воспріятія власти, а самый сильный мотивъ для этого. Не церковно-правовое значеніе имѣло это согласіе, а стало моральнымъ побужденіемъ къ немедленному вступленію въ дѣла управленія, такъ какъ фактически никакого центрального Патріаршаго управленія въ это время не существовало. Святѣйшему съ первыхъ же шаговъ пришлось все создавать снова. Дѣла и помѣщенія были захвачены живоцерковниками, не было налицо епископовъ, членовъ послѣдняго состава Священнаго Синода. Тѣмъ не менѣе Святѣйшій 15-го іюля имѣлъ уже возможность обратиться съ новымъ посланіемъ къ церкви. Въ этомъ посланіи раскрывается захватный характеръ присвоенія «живой церковью» церковной власти и церковнаго аппарата. Смутные и противорѣчивые слухи, ходившіе въ это время въ Россіи о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ маѣ 1922 года, получили въ этомъ посланіи опредѣленное разъясненіе. Посланіе подчеркиваетъ безблагодатность живоцерковнаго клира и предупреждаетъ мірянъ отъ участія въ ихъ грѣхѣ, входя въ молитвенное общеніе съ безблагодатными епископами и священниками. Каково должно было быть настроеніе Донского узника, когда онъ оставался въ заключеніи и сознавалъ всю тяжесть отвѣтственности, которая лежала на немъ, за этихъ совращенныхъ и несознательно отпавшихъ милліонахъ людей, изъ этихъ милліоновъ тысячи, а можетъ быть и десятки тысячъ были принуждены обращаться за требами къ отщепенцамъ. При такихъ обстоятельствахъ только одинъ Патріархъ могъ вывести церковь изъ этого ужаснаго положенія, не потому, что усиливалась «живая церковь», а потому, что патріаршая церковная организація была совершенно разрушена, а также прекратилась и «каноническая преемственность церковной власти»: митрополитъ Агафангелъ, какъ мы знаемъ, былъ арестованъ, а замѣстителя себѣ не оставилъ. Освобожденіе Св. Патріарха сразу разрѣшало всѣ эти вопросы. Св. Патріархъ возвращался къ управленію не въ силу согласія епископовъ, а подъ вліяніемъ вопля всей церкви, который прорывался къ нему и черезъ массивныя стѣны его заключенія.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ мы призываемъ всѣхъ епископовъ и іереевъ и вѣрныхъ чадъ церкви, которые въ сознаніи своего долга мужественно стояли за Богоустановленный порядокъ церков-



ной жизни, и просимъ ихъ оказать намъ содѣйствіе въ дѣлѣ умиротворенія церкви... Тѣхъ же, которые волею или неволею, или невѣдѣніемъ поползулись въ настоящемъ вѣкѣ лукавствія и, признавъ незаконную власть, отпали отъ церковнаго единства и благодати Божіей, умоляемъ сознать свой грѣхъ, очистить себя покаяніемъ и возвратиться въ спасительное лоно Единой Вселенской Церкви». Такъ заканчивалось второе посланіе Святѣйшаго Патріарха. Какая разница въ отношеніи живоцерковниковъ къ Патріарху, съ одной стороны, — и Патріарха къ ушедшимъ въ «живую церковь», — съ другой.

Освобожденіе Св. Патріарха было встрѣчено вѣрными какъ избавленіе. Въ Москвѣ и другихъ крупныхъ центрахъ какъ бы вторично справляли въ этомъ году Пасху, — такая была радость. Патріаршее служеніе, служеніе вѣрныхъ Патріарху, епископовъ сопровождалось огромнымъ стеченіемъ народа и такимъ духовнымъ подъемомъ, который былъ величайшимъ утѣшеніемъ и ободреніемъ для вѣрныхъ, изстрадавшихъ за годъ заключенія Патріарха.

Живоцерковники были потрясены въ самыхъ своихъ основаніяхъ. Многіе изъ епископовъ, совершивъ грѣхъ отпаденія, принесли «достойные плоды покаянія», были любовно приняты въ церковное общеніе Святѣйшимъ и возстановлены во всѣхъ своихъ правахъ. Въ числѣ первыхъ изъ покаявшихся былъ и Митрополитъ Сергій, занимавшій тогда Владимірскую кафедру. Въ это время русская церковь изобиловала исповѣдниками, а теперь въ ея средѣ появились и великіе въ своемъ покаяніи сыны, безъ всякихъ условій и сговоровъ принесшіе это покаяніе. Священнослужители въ значительномъ числѣ стали возвращаться въ патріаршую церковь.

Не могъ безслѣдно пройти фактъ освобожденія патріарха и для живоцерковной организаціи въ цѣломъ. Подъ давленіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ живоцерковники создали свой съѣздъ въ августѣ мѣсяцѣ этого года. Этотъ съѣздъ произвелъ внутренній переворотъ въ самой «живой церкви». Былъ ликвидированъ Церковный Совѣтъ и на его мѣсто созданъ новый органъ — Священный Синодъ. Сама церковная организація присвоила себѣ новое наименованіе: Православной Россійской Церкви. Радикальныя рѣшенія собора 1923 года были приостановлены въ ихъ исполненіи «по тактическимъ соображеніямъ». Живоцерковство замѣнялось обновленчествомъ. Радикальные элементы отошли на второй планъ или измѣнили своему радикализму и руководство оказалось въ рукахъ болѣе умѣренныхъ элементовъ, располагавшихъ какъ мы видѣли, на майскомъ соборѣ ничтожнымъ количествомъ голосовъ. Если живоцерковный переворотъ 1922 года проф. Титлиновъ считаетъ церковной рево-



люціей, то перемѣны, произведенныя августовскимъ съѣздомъ 1923 г., съ гораздо большимъ основаніемъ могутъ быть названы внутренней обновленческой контръ-революціей.

Самой важной задачей являлось возстановленіе церковной организациі патріаршей церкви, какъ мы знаемъ, къ моменту освобожденія Св. Патріарха уже не существовавшей. Придавая огромное значеніе церковному единомыслію Св. Патріархъ уже въ іюлѣ 1923 года собралъ совѣщаніе вѣрныхъ епископовъ. Это совѣщаніе признало обновленцевъ раскольниками и, въ связи съ выраженнымъ Патріархомъ желаніемъ удалиться отъ дѣлъ, обратилось къ Святѣйшему Тихону съ просьбой «быть кормчимъ до того момента, когда Господу Богу угодно будетъ даровать миръ церкви голосомъ Всероссійскаго Помѣстнаго Собора». Единодушіе среди русскаго епископата послужило прочнымъ фундаментомъ для дальнѣйшей организационной работы. Тогда же волею Св. Патріара былъ созданъ Патріаршіей Синодъ, который между прочимъ особымъ распоряженіемъ 10-го ноября 1923 года вновь подтвердилъ указъ о закрытіи Карловацкаго церковнаго управленія.

## II.

1923-й годъ въ жизни зарубежныхъ церковныхъ круговъ былъ связанъ съ дѣятельностью второго совѣщанія епископовъ-бѣженцевъ въ Карловцахъ. Мы уже видѣли, что совѣщаніе 1922 года не выполнило Патріаршаго указа, и даже заронило искру церковнаго переворота, поднявши вопросъ о присвоеніи себѣ церковной власти. Доведа дѣло до закрытія высшаго церковнаго управленія въ Россіи и заключенія Св. Патріарха, Карловацкое совѣщаніе рѣшило не закрываться съ цѣлью «сохраненія преемства церковной власти», которая никогда и никѣмъ не была сообщена Карловацкому ВЦУ. Въ 1922 году былъ созданъ Временный Синодъ, такъ какъ въ случаѣ освобожденія Св. Патріарха предполагалось исполнить его указъ въ цѣломъ. Во второй половинѣ мая 1923 года, т. е. всего черезъ 8 ½ мѣсяцевъ послѣ совѣщанія 1922 года, было созвано второе совѣщаніе епископовъ, которому усвоили наименованіе собора. На это совѣщаніе явились все тѣ-же 12 епископовъ-бѣженцевъ, уже давно уволенныхъ высшей церковной властью съ ихъ кафедръ и въ этотъ моментъ неимѣвшихъ никакихъ служебно-правительственныхъ полномочій, за исключеніемъ Митрополита Евлогія, поставленнаго Св. Патріархомъ во главѣ управленія русскими церквами въ Западной Европѣ. Главными вопросами, подлежащими разсмотрѣнію этого совѣщанія, были: 1) вопросъ объ орга-



низации высшей русской заграничной церковной власти, 2) объ архіерейскомъ соборѣ, 3) о синодѣ въ Карловцахъ, и 4) объ автономіи Западно-Европейскаго Митрополичьяго округа.

Переходя къ разсмотрѣнію существа принятыхъ рѣшеній по первому вопросу, нужно отмѣтить, что подъ этимъ вопросомъ подразумѣвалось разсмотрѣніе мнѣній нѣкоторыхъ преосвященныхъ и мірянъ о необходимости «присвоенія Архіерейскому Синоду Русской Православной Церкви заграницей функцій всероссійской церковной власти» до освобожденія Св. Патріарха. Итакъ, мысль, вскользь брошенная въ 1922 г., на совѣщаніи 1923 года стала центральнымъ пунктомъ сужденія всего совѣщанія. Инициатива въ этомъ отношеніи принадлежала не только преосвященнымъ, но и мірянамъ. Имена ни тѣхъ, ни другихъ не указаны въ протоколѣ. Что касается мірянъ, то легко догадаться, какой группой продиктованы эти предложенія. Съ ликвидацией Церковнаго Совѣта въ Карловцахъ, созданнаго собраніемъ 1921 года, группа крайнихъ правыхъ лишилась своего избраннаго представительства въ Карловацкомъ церковномъ управленіи и съ тѣмъ большей настойчивостью готова была диктовать свою волю руководителямъ церковной жизни за рубежомъ. Эти епископы и міряне не учли всѣхъ обстоятельствъ дѣла и, форсируя событія, не встрѣтили сочувствія въ такой открытой постановкѣ вопроса этого. Было принято рѣшеніе, что ни отдѣльные заграничные іерархи, ни соборъ ихъ не представляютъ собою власти, которой принадлежали бы права «коими во всей полнотѣ обладаетъ всероссійская церковь въ лицѣ ея законной іерархіи». Русскіе приходы и храмы были признаны неразрывной частью Московскаго Патріархата, возглавляемаго Св. Тихономъ. Простодушный читатель, а можетъ быть, и участникъ совѣщанія, настроенный несогласно съ обсуждавшимися мнѣніями преосвященныхъ и мірянъ, предположилъ, что здравый смыслъ и церковная дисциплина восторжествовали на этомъ совѣщаніи. Дѣло обстояло далеко не такъ.

Какъ только перешли къ обсужденію конкретныхъ вопросовъ, то тотчасъ же и совершенно отступили отъ принятыхъ ранѣе теоретическихъ рѣшеній. Подъ заголовкомъ вторымъ встрѣчаемъ уже постановленіе, которое существенно противорѣчитъ только что указаннымъ рѣшеніямъ. Во первыхъ, оказалось, что существуетъ заграничная православная русская церковь, а не неразрывная часть русской церкви. Поэтому съѣздъ создаетъ высшій органъ управленія въ видѣ собора епископовъ, и собору заграничныхъ іерарховъ присваивается значеніе церковной власти, что, конечно, тоже находится въ полномъ противорѣчій съ только что принятымъ рѣшеніемъ. Что собору дѣйствительно усвоится власть, видно изъ слѣдующаго: онъ замѣщаетъ ва-



кантныя кафедры и судить епископовъ, т. е. надѣляется функціями высшей власти, какая только существуетъ въ церкви. Въдѣнію этого собора передаются вопросы вѣро- и нравоученія. Невольно возникаетъ сомнѣніе, осталось ли что либо на долю всероссійской церковной власти? Намъ кажется, что функція этой власти полностью перенесены на Карловацкій соборъ.

Если къ этому присоединить постановленіе значущея подъ пунктомъ третьимъ и предоставляющее Синоду въ гор. Карловацкахъ право вести сношенія отъ лица русской заграничной церкви съ автокефальными церквами, а также съ иностранными государствами, то можно сказать, что въ дальнѣйшемъ существованіи Всероссійской церковной власти болѣе не встрѣчалось никакой нужды.

Итакъ, преосвященные и міряне, вошедшіе въ соборъ съ мнѣніями, которыя казались отвергнутыми при обсужденіи пункта 1-го, могли себя теперь чувствовать вполне удовлетворенными. Было ли согласіе Всероссійской церкви и ея представителя на отдѣленіе заграничныхъ приходовъ? Было ли согласіе главы русскихъ епископовъ на постановку подобныхъ вопросовъ и принятіе столь важныхъ рѣшеній заграничными епископами-бѣженцами? Все это вопросы безъ положительнаго отвѣта на которые никакія рѣшенія, принятія на этомъ совѣщаніи, не имѣютъ церковно-правоваго значенія.

Если къ этому еще присоединить, что Западно-Европейскому Митрополичьему округу была предоставлена, хотя и куца, автономія, то ясно, что Карловацкому собору усвоились *автокефальныя права*. Только этого страшнаго слова не хотѣли произнести и, очевидно, тоже по тактическимъ соображеніямъ. Можно подумать, что о существованіи патріаршаго указа о закрытіи Карловацкаго ВЦУ на совѣщаніи забыли, и безъ всякихъ оговорокъ создавали новые органы, съ властью, можетъ быть, большей, чѣмъ само карловацкое ВЦУ. Если принять во вниманіе, что всѣмъ русскимъ епархіямъ и епископамъ съ соотвѣтствующей властью еще Св. Патріархомъ, а затѣмъ его замѣстителемъ, Митрополитомъ Агафангеломъ, была дана полная автономія, то нельзя не признать, что Карловацкое совѣщаніе урѣзало права Митрополита Евлогія, слѣдовательно, оно считало себя, если не выше, то по крайней мѣрѣ равнымъ Св. Патріарху и его замѣстителю.

Все происшедшее на этомъ совѣщаніи подтверждаетъ, что углубленіе церковной смуты за рубежомъ продолжалось. Чѣмъ же однако объясняется столь противорѣчивое рѣшеніе этого совѣщанія? Объясненія этого нужно искать въ наличіи той трещины въ церковной зарубежной средѣ, начало которой было положено, какъ мы знаемъ, еще на собраніи 1921 года. Одна



часть совѣщанія отстояла принципиально правильную точку зрѣнія при обсужденіи перваго вопроса повѣстки, другая часть въ вопросахъ конкретныхъ провела свои мнѣнія. Обѣ стороны если не были удовлетворены работами совѣщанія, то считали, что пока «т лохой миръ лучше доброй ссоры» и что все съ теченіемъ времени образуется. Нужно ли говорить, что сохраненіе мира путемъ нарушенія воли высшей церковной власти и въ будущемъ не сулило прочнаго мира за рубежомъ. Всѣ эти рѣшенія должны были быть представлены всероссійской церковной власти. На это очень легко пошли, такъ какъ обстоятельства, имѣвшія мѣсто въ Россіи въ этотъ моментъ, исключали возможность разсмотрѣнія подобныхъ вопросовъ и отвѣта на нихъ: Св. Патріархъ находился въ заключеніи. Патріаршаго Высшаго Церковнаго Управленія вообще не существовало. Дѣйствія новыхъ учрежденій вводились явочнымъ порядкомъ и сейчасъ же.

Едва закончило свою работу Карловацкое совѣщаніе Святѣйшій получилъ свободу. Въ первое время неотложные вопросы церковной жизни въ Москвѣ и въ Россіи отвлекали вниманіе Св. Патріарха отъ зарубежныхъ церковныхъ дѣлъ, но уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1923 года, какъ мы знаемъ теперь, особымъ указомъ Патріаршаго Синода было вновь подтверждено распоряженіе о закрытіи Карловацкаго управленія. Самочиніе было отличительной чертой дѣятельности архіерейскаго совѣщанія 1923 года и созданія имъ органомъ управленія. Все это вело къ дальнѣйшему развитію церковной смуты за рубежомъ.

\* \* \*

Итакъ, при разсмотрѣніи событій 1923 года мы констатировали наличность глубокаго кризиса въ средѣ «живой церкви», тогда какъ зарубежная церковная смута, хотя и медленно, но продолжала развиваться. 1923-й годъ можно назвать годомъ соборовъ, т. е. совѣщаній всѣхъ церковныхъ теченій. Вѣрные Патріаршей церкви епископы собрались совмѣстно съ Патріархомъ въ іюлѣ мѣсяцѣ этого года и скромно назвали это собраніе *совѣщаніемъ*, лишь выразивъ надежду, что при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ соберется и Помѣстный Соборъ.

Живоцерковники и Карловацкіе церковники заявили себя горячими сторонниками *соборности*. Въ связи съ этимъ живоцерковниками былъ созванъ свой соборъ въ маѣ 1923 года. Ко второй половинѣ мая и началу іюня относится дѣятельность собора въ Карловцахъ. Мы уже видѣли, что древне-русское (церковно-славянское) слово «соборъ» не имѣетъ строго-опредѣленнаго значенія, поэтому всѣ это собранія могутъ въ извѣстномъ смыслѣ быть названы соборами, т. е. съѣздами, совѣщаніями, собраніями.



Не въ этомъ, однако, смыслѣ употребляютъ этотъ терминъ живоцерковники и карловацкіе дѣятели. Они склонны своимъ совѣщаніемъ придавать значеніе полномочнаго органа церковной власти, т. е. считать ихъ по древне-русской терминологіи *совершенными соборами*.

Въ этомъ отношеніи тѣ и другіе одинаково неправы. Основнымъ условіемъ для того, чтобы церковное собраніе получило церковно-правительственное значеніе, нужно, чтобы на немъ присутствовалъ «первый епископъ»; по крайней мѣрѣ необходимо, чтобы собраніе было созвано имъ, и планъ работъ имъ былъ одобренъ, такъ какъ каждый отдѣльный епископъ, какимъ бы онъ ни былъ по счету, — вторымъ, третьимъ или десятымъ, — безъ разсужденія «перваго епископа» не можетъ принимать никакихъ рѣшеній, выходящихъ за предѣлы его епархіальной власти. Нужно ли говорить, что вопросы, обсуждавшіеся на живоцерковномъ соборѣ 1923 года и на Карловацкомъ съѣздѣ, выходили за предѣлы полномочій отдѣльныхъ архіереевъ. При этомъ значительное число епископовъ, участниковъ этихъ совѣщаній, въ это время не имѣли никакихъ церковно-правительственныхъ полномочій, или потому, что были уволены Св. Патриархомъ на покой (Карловацкіе епископы), или потому, что вообще не имѣли кафедръ, будучи только викаріями (часть карловацкихъ и живоцерковныхъ епископовъ), или даже были рукоположены помимо главы русскихъ епископовъ (живоцерковники), безъ утвержденія котораго не можетъ быть поставленъ ни одинъ русскій епископъ.

Все это лишало и живоцерковный и Карловацкій соборы понятія дѣйствительныхъ соборовъ, полномочныхъ органовъ церковной власти, а, слѣдовательно, поскольку къ нимъ можетъ быть приложимо названіе собора, оно обозначаетъ не болѣе, какъ совѣщаніе, съѣздъ и т. д. Это понимали и сами живоцерковцы, когда ихъ августовскій съѣздъ пріостановилъ и измѣнилъ рѣшеніе ихъ майскаго собора, т. е. они усваивали одинаковое значеніе собору, имѣвшему мѣсто въ маѣ, и своему съѣзду, бывшему въ августѣ. Было время, когда и зарубежные архіереи вполне отчетливо сознавали это, когда онѣ церковному съѣзду, сыгравшему столь трагическую роль въ жизни русской церкви, усваивали названіе *церковнаго собранія*.

Всего болѣе къ понятію «совершеннаго собора» подходило совѣщаніе епископовъ при Патриархѣ. На этомъ совѣщаніи присутствовалъ самъ глава русскихъ епископовъ, онъ созвалъ это совѣщаніе, число участниковъ этого совѣщанія въ нѣсколько разъ превышало число членовъ Карловацкаго собора, всѣ они были канонически правильнаго рукоположенія; и только потому, что не всѣ епархіи могли быть представлены на этомъ совѣщаніи



своими правящими епископами, участники этого собранія именуяють его совѣщаніемъ. Независимо отъ названія оно имѣло огромное значеніе въ дѣлѣ организаціи вѣрныхъ и констатировало единомысліе вѣрнаго епископата въ Россіи.

Ничего подобнаго не было ни на Карловацкомъ совѣщаніи, ни на живоцерковныхъ собраніяхъ. Созванныя помимо воли «перваго епископа» Карловацкое и живоцерковное совѣщанія внесли новые моменты разьединенія въ русскую церковную среду и, что особенно замѣчательно, каждое изъ этихъ совѣщаній внесло дальнѣйшее раздѣленіе даже въ ту ограниченную группу, собраніемъ которой оно являлось.

Допустивъ ничтожное, какъ казалось руководителямъ, отступленіе отъ церковнаго порядка, они неожиданно для себя оказались внѣ завѣта самого Основателя церкви, завѣщавшаго Своимъ послѣдователямъ единеніе. Такъ тѣсно связаны между собою соблюденіе установленнаго строя церкви и служеніе основной задачѣ существованія церкви на землѣ. Поэтому блюденіе правильности церковнаго строя есть первостепенная задача для всего церковнаго общества, и въ этомъ отношеніи никакіе мотивы временной цѣлесообразности не должны имѣть значенія.

И. Стратоновъ.

23. III. 1929.

Берлинъ.

---